

Recensiones

Рецензии

ББК 63.3(0)4; УДК 94(497.5)

Д. Е. Алимов

МИГРАЦИЯ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ? ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХОРВАТОВ В ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНА*

Dzino, Danijel. *Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia.* — Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2010. — xx + 271 p. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450; Vol. 12). — ISBN 978-90-04-18646-0

Постмодернистская интерпретация истории
постепенно становится краеугольным камнем
широкого научного консенсуса
в исследовании обществ прошлого

Дэниел Дзино

Дэниел Дзино, автор новой книги о формировании хорватской идентичности в Далмации, вышедшей в авторитетном голландском издательстве «Brill»¹, уже не нуждается в представлении. Решившись на трудное, но в то же время многообещающее дело пере-

* Работа выполнена при поддержке ACLS (the American Council of Learned Societies), краткосрочный грант 2010 г.

¹ В этой связи уместно отметить, что в последние годы монографии, посвященные средневековой истории Центральной и Восточной Европы, появляются в данном издательстве с частотой, достойной рога изобилия. Это отрядное обстоятельство связано с появлением серии «Восточно-Центральная и Восточная Европа в Средние века, 450–1450 гг.» и с весьма плодотворной деятельностью на посту ее редактора известного американского медиевиста Флорина Курты. Тем самым совершился настоящий прорыв в деле публикации на английском языке работ по средневековой истории Центральной и Восточной Европы, долгое время являвшейся относительно изолированным сегментом медиевистики вследствие языкового барьера.

смотра формирования средневековых этнических общностей на территории Западных Балкан на конструктивистской методологической платформе, обогащенной новейшими достижениями западной медиевистики в области изучения этнических процессов в период перехода от античности к Средневековью, молодой исследователь из Австралии еще несколько лет назад успел порадовать всех заинтересованных рядом полемически заостренных публикаций, призванных вывести исследование античной и раннесредневековой Далмации из тенет устаревших эволюционистских интерпретаций на уровень современного постмодернистского дискурса². Как сообщает в предисловии сам автор, замысел книги родился благодаря статье, написанной для тематического выпуска журнала «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*», посвященного обсуждению книги Флорина Курты «Создание славян»³, что придает нам дополнительный стимул для разбора монографии Д. Дзино на страницах того же периодического издания.

Уже в самом названии книги Д. Дзино «Становясь славянами, становясь хорватами: трансформации идентичностей в постримской и раннесредневековой Далмации» со всей ясностью обнаруживает себя стремление автора решительно размежеваться с примордиалистской парадигмой «этногенеза», неизменно заставлявшей историков оперировать такими понятиями как «происхождение», «миграция», «ассимиляция» и т. п. В книге австралийского исследователя, посвященной по сути дела этносоциальной истории Далмации в период поздней античности и раннего Средневековья, мы не встретим привычных для такого рода работ разделов как «происхождение хорватов», «миграция славян» или «ассимиляция романизированных иллирийцев». Героями этой книги являются не «народы», демонстрация дискурсивно обусловленной природы которых уже давно стала влиятельным трендом в современной историографии, а люди, точнее группы людей в позднеантичной и раннесредневековой Далмации, пытавшиеся приспособиться к стремительно менявшимся социально-политическим обстоятельствам этой бурной эпохи. В результате ключевым понятием книги Д. Дзино, уже не раз излагавшего свое методологическое кредо в своих прежних публикациях, становится идентичность, а важнейшим термином для описания этнических процессов, рассматриваемых сквозь призму изучения идентичности, служит слово «трансформация». Хотя подобный подход уже стал основополагающим в исследованиях этнических процессов, протекавших в поздней античности и раннем Средневековье в западной части Европы, применительно к раннесредневековой Центральной и Восточной Европе конструктивизм все еще далек от того, чтобы стать элементом методологического мейнстрима. Удивляться этому не приходится: основную роль в изучении региона играют местные

² См.: *Dzino D.* 1) *Delmati, vino i formiranje etničkog identiteta u predrimskom Iliriku* // VAPD. 2006. Sv. 99. S. 71–80; 2) «*Biti*», «*Činiti*» i «*Znati*»: *Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku* (Predgovor uz knjigu «*Hrvatska povijest devetoga stoljeća*» Ivana Mužića) // Mužić I. *Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. Split, 2006. S. 9–19; 3) *The Celts in Illyricum — whoever they may be: The hybridization and construction of identities in Southeastern Europe in the fourth and third centuries BC* // OA. 2007. Vol. 31. S. 49–68; 4) «*Becoming Slav*», «*becoming Croat*»: *New approaches in research of identities in post-Roman Illyricum* // HAM. 2008. Vol. 14. P. 195–206; 5) *Deconstructing «Illyrians»: Zetgeist, changing perceptions and the identity of peoples from ancient Illyricum* // *Croatian studies review*. 2008. Vol. 5. P. 43–55; 6) «*The people who are Illyrians and Celts*»: *Strabo and the identities of the «barbarians» from Illyricum* // AV. 2008. Zv. 59. S. 371–380; 7) *Bindus Neptunus: Hybridity, acculturation and the display of power in the hinterland of Roman Dalmatia* // *Historia Antiqua*. 2009. Vol. 18/1. S. 355–362; 8) «*Dezidijati*»: *Identitetski konstrukt između antičkih i suvremenih percepcija* // *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja*. Sarajevo, 2009. Knj. XXXVIII. S. 75–96; 9) *Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta* // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. Zagreb, 2009. Knj. 41. S. 33–54; и др.

³ *Дзино Д.* «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 37–58.

исследователи, многие из которых сознательно или бессознательно базируются на иной методологической платформе, обусловленной в значительной степени отличным от Запада социально-историческим опытом этой части Европы в XX веке. В этом смысле книга Д. Дзино, впервые представляющая в монографической форме опыт конструктивистского понимания этнических процессов, протекавших на территории Хорватии в VI–IX вв., может рассматриваться как важный шаг в направлении, заданном десятилетие назад в уже упоминавшейся монографии Ф. Курты⁴, где с принципиально новых методологических позиций была рассмотрена раннеславянская этничность.

Как справедливо констатирует сам автор во введении, «существующая теоретическая модель для понимания изменений в идентичности и этничности, происходивших в постримском Иллирике, все еще находится под преобладающим влиянием эволюционистского подхода, рассматривающего этничность как примордиальный, постоянно существующий социальный феномен, который претерпевает изменения на поверхности, но остается стабильным в своем ядре», а подобный подход не предполагает анализа «социальных контекстов формирования и интеракции идентичностей, а также иерархии и взаимоотношений между политической властью и групповой идентичностью» (Р. 7–8). В связи с этим особенно важным для своего исследования Д. Дзино считает современный социально-антропологический подход к этничности, понимаемой в его рамках как «текучий и изменчивый феномен, используемый социальными группами как инструмент для достижения своих политических и экономических целей и определяемый главным образом через социальную интеракцию, самоидентификацию группы и ее идентификацию другими» (Р. 8). Между тем, монография австралийского исследователя отнюдь не сводится к анализу «стратегий различения»⁵, применявшихся к этническим группам в письменных источниках: значительная часть книги посвящена рассмотрению археологического материала, а его возможности при изучении этничности как таковой, как показывает непрекращающаяся по этому поводу полемика, в лучшем случае весьма ограничены. Для того чтобы лучше понять, о чем именно идет речь в монографии австралийского исследователя, уместно процитировать антрополога Мелиссу Браун, не раз подчеркивавшую в своих работах об этнических и квазиэтнических идентичностях современного Китая, что групповая идентичность основывается на социально-политическом опыте, а не на происхождении или культурных характеристиках⁶. Справедливость данного положения хорошо видна на примере довольно многочисленных уголков современного нам мира, где обусловленная меняющимся социально-политическим контекстом трансформация идентичности совершается в весьма наглядной форме практически на наших глазах, что закономерно приковывает к таким регионам, будь то Приднестровье или Тайвань, повышенное внимание антропологов и историков. Отсюда становится понятным, что изучение актуального для возникновения и функционирова-

⁴ *Curta F.* The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge; New York, 2001.

⁵ В. Поль предложил использовать данное понятие, заимствованное им из социологической теории П. Бурдьё, для исследования процессов групповой идентификации в раннее Средневековье (см.: *Pohl W.* Introduction: Strategies of distinction // *Strategies of distinction: The construction of ethnic communities, 300–800* / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2). P. 5–6).

⁶ *Brown M.* 1) Ethnic classification and culture: The case of the Tujia in Hubei, China // *Asian ethnicity*. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 55–72; 2) Is Taiwan Chinese? The impact of culture, power, and migration on changing identities. Berkeley, 2004; 3) Changing authentic identities: Evidence from Taiwan and China // *Journal of the Royal anthropological institute*. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 459–479.

ния той или иной идентичности социального и политического опыта, не может не стать неотъемлемым элементом изучения этнических процессов с позиций конструктивизма. В соответствии с этим в книге Д. Дзино идет речь о политических, социальных и религиозных процессах, изменениях в образе жизни и культурном габитусе — словом, обо всем том, что являлось актуальным для самоидентификации жителей Далмации и приписывания им идентичности извне в период, когда в источниках начинают появляться упоминания сначала о славянах, а затем и о хорватах.

1. Происхождение хорватов: образы прошлого в дискурсах настоящего

В первой главе книги автор рассматривает трактовку темы «происхождения хорватов» в хорватском историческом сознании, причем делает это в свойственной постмодернизму манере выявления «двойного дна» в эволюции исторических представлений. Предостерегая об опасности ориентализма, способного повлиять на западного автора, пишущего о роли этничности на Балканах, Д. Дзино призывает рассматривать идентичности и их значение в их исторических и политических контекстах. Следуя этому правилу, Д. Дзино внутренне структурирует главу в соответствии с важнейшими дискурсами, в рамках которых в последние несколько веков осмыслялось происхождение хорватов. Все многообразие таких дискурсов автор сводит в две основные группы — миграционистские и автохтонистские. Начиная свой обзор с ренессансной историографии, автор рассматривает сформировавшийся тогда ранний автохтонистский дискурс, рассматривавший южных славян, включая хорватов, в качестве автохтонного населения Иллирика. Автор прослеживает судьбу данного дискурса в хорватской историографии и общественной мысли, рассматривая как кульминацию эпоху иллиризма и находя последние отголоски данного подхода во второй половине XIX в. Следующий дискурс, выделяемый Д. Дзино, — славянский миграционистский, в рамках которого происхождение хорватов связывалось со славянами, мигрировавшими на Балканы с севера. Находя истоки дискурса в польской средневековой хронистике, автор прослеживает историю его научного обоснования от Ивана Лучича до Фердо Шишича, справедливо замечая, что именно этот дискурс остается доминирующим в современной историографии и общественном сознании. Ключевую роль в процессе закрепления славянского миграционистского дискурса в исторической науке автор отводит Франьо Рачкому, давая, между прочим, следующую оценку его деятельности:

Влияние Рачкого... на последующую историографию, посвященную раннесредневековым хорватам, было огромным и продолжительным, так как он, как поистине искусный архитектор, встроил существовавшие со времен Лучича блоки «знания» в идеологически выдержанный исторический нарратив о южных славянах, отказавшись от свойственного Лучичу исключительного интереса к хорватам. Его представление о пришедших извне славянах, поселившихся в пустом доме, не исчезало из хорватской историографии более ста лет после его смерти... (Р. 18–19).

Переходя далее к неславянским дискурсам, автор задерживается на готской, иранской и тюркской теориях происхождения хорватов. Развитие готской теории, которая, подобно славянской миграционистской концепции, имела своим истоком средневековую историографию, по мнению автора, может быть лучше понято в контексте борьбы за права хорватов в Королевстве Югославии, когда хорватская интеллигенция предпринимала попытки дискурсивно дистанцировать хорватов от сербов вопреки

господствующей югославистской идеологии⁷. Переходя далее к иранской теории, исследователь справедливо отмечает распространенность представления об иранских истоках названия «хорват» в современной историографии, однако касательно самой идеи иранского происхождения хорватов заключает: «Постструктуралистское видение групповой идентичности как нестабильной и постоянно меняющейся серьезно дискредитирует любое представление об “иранском компоненте” в раннесредневековой хорватской идентичности» (Р. 21). Зародившуюся в 1970-е гг. концепцию, связывающую происхождение хорватов с социальными процессами внутри Аварского каганата и/или политизацией идентичностей вследствие франкской экспансии на Балканы, Д. Дзино предлагает именовать «раннесредневековым дискурсом», относя к нему таких авторов как Отто Кронштайнер, Вальтер Поль, Луйо Маргетич, Нада Клаич. Закономерным продолжением рассмотрения дискурсов является исключительно интересный раздел главы, посвященный отражению представлений о миграции хорватов в художественной литературе и искусстве Хорватии. Собранный автором материал весьма репрезентативен и, думается, мог бы послужить основой для самостоятельного исследования.

Характеристику нового постмодернистского дискурса хорватских истоков Д. Дзино дает во второй главе, посвященной методологическим основам исследования в контексте современной историографии. С глубоким знанием дела австралийский исследователь повествует в ней о том, какие возможности открывают перед медиэвистами постструктуралистские подходы в исторической науке. К числу наиболее важных для своего исследования методологических новаций Д. Дзино относит конструктивистский подход к этничности Фредрика Барта, постколониальную критику ориенталистского дискурса Эдвардом Саидом, концепцию культурной гибридности Хоми Бхабхи, понятие о культурном габитусе социологической теории Пьера Бурдьё и связанную с его использованием критику культурно-исторического подхода в археологических исследованиях. Как можно понять из этого обзора, гораздо меньшую роль в методологическом инструментарии Д. Дзино играет модель этногенеза Райнхарда Венкуса, позднее получившая развитие в рамках так называемой «Венской школы». Д. Дзино обращает внимание не столько на саму модель, сколько на ее критику в новейшей историографии, тем самым солидаризируясь с характерной для так называемой «Торонтской школы» позицией, отвергающей даже те незначительные элементы субстанциализма в трактовке этнических общностей, которые присутствовали у Р. Венкуса и в ранних работах его последователей (понятие *Traditionskern* и устная традиция в *origo gentis*)⁸.

Далее в этой же главе Д. Дзино обращается к анализу современной историографии проблем трансформации идентичностей (происхождения хорватов) в раннесредневе-

⁷ Вместе с тем, можно заметить, что предлагаемая Д. Дзино классификация хорватских дискурсов с ее фиксацией на этнической принадлежности протохорватов как основном критерии сама является порождением своего рода дискурса. В рамках последнего из поля зрения автора закономерно выпадает ряд обстоятельств, без учета которых развивавшиеся по своей собственной логике научные концепции рискуют слишком тесно переплестись в нашем восприятии с тем, что Р. Катичич предложил называть идеологемами (см.: *Katičić R. O podrijetlu Hrvata // Hrvatska i Europa: Kultura, znanost i umjetnost. Sv. I / Ur. I. Supićić, J. Bratulić. Zagreb, 1997. S. 149–167*). К примеру, мы можем неправильно понять готскую теорию происхождения хорватов, если проигнорируем факт ее первичной разработки влиятельным социологом Людвигом Гумпловичем, создателем «завоевательной теории» политогенеза, убежденным в том, что раннесредневековые государства в Европе создавались вследствие активности мобильных групп воинов, и приписывавшим готское происхождение не только хорватам, но и сербам, пришедшим на Балканы.

⁸ О текущем состоянии вопроса см., например: *Garipzanov I. H., Geary P. J., Urbańczyk P. Introduction: Gentes, gentile identity, and state formation in early medieval Europe // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, and P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 2–3.*

ковом Иллирике, начиная свой критический обзор с характеристики проблем, стоящих перед современными исследователями. Справедливо отмечая, что смена дославянских идентичностей Иллирика славянскими все еще недостаточно объяснена, Д. Дзино отводит решающее значение для исследования данной темы выводам, к которым пришел Ф. Курта в своей книге «Создание славян». Считая осуществленную Ф. Куртой «деконструкцию славянской этничности» «превосходной стартовой точкой для новой оценки происхождения средневековых славянских идентичностей в Иллирике» (Р. 40), Д. Дзино безоговорочно принимает трактовку понятия «славяне», использовавшегося в раннесредневековых источниках, как идентичности, сконструированной ориентализмом образованных авторов, хотя допускает при этом то, что на восприятие ими варварской реальности могли оказать влияние некоторые общие элементы культурного габитуса, присущие «славянам». Радикально расходясь в этом отношении с большинством хорватских историков и археологов, пребывающим под воздействием того, что Д. Дзино назвал «славянским миграционистским метанарративом», исследователь, однако, далек и от того, чтобы просто предпочесть миграционизму автохтонизм, ставший в последнее время почти столь же влиятельным трендом в интерпретации хорватской этнической истории, полагая, что «реальная проблема исторической интерпретации в действительности лежит вне обоих вышеупомянутых больших нарративов» (Р. 42).

В своем обзоре исторических, археологических и лингвистических исследований последних десятилетий Д. Дзино воздает должное своим предшественникам, подготовившим почву для начатого им пересмотра хорватской этнической истории с точки зрения постструктурализма. Неудовлетворенность интерпретационными возможностями модели, восходящей к трудам Ф. Рачкого и Ф. Шишича, существовала в хорватской историографии уже довольно давно, хотя и преодолевалась разными путями. В этом смысле последние десятилетия стали временем интенсивных поисков новых решений, тщательно прослеженных австралийским исследователем. Это и заметный в последние десятилетия акцент на культурном континуитете, включая сюда как ломающие традиционные представления о незначительной роли автохтонного населения и массовой миграции славян работы археологов (Ж. Рапанич, Н. Якшич, А. Милошевич), так и попытки создания нового синтеза хорватской истории в духе автохтонизма (И. Мужич), и рассмотрение формирования первичного хорватского этнополитического организма в контексте социально-политических процессов, происходивших в рамках *Pax Francica* (В. Сокол, М. Анчич, Н. Будац), и существенное накопление знаний и введение в оборот новых источников, включая очевидные прорывы в области физической антропологии (М. Шлаус) и генетики (Д. Приморац, П. Рудан, И. Юрич). В этом смысле книга Д. Дзино может и должна рассматриваться как закономерное и — смеем заметить — долгожданное осмысление полученных результатов на таком уровне обобщения, который необходим для создания целостной картины этнической истории.

2. Становясь римлянами: «Romanitas» и идентичности античного Иллирика

Отмечая, что для понимания появления средневековых славянских идентичностей необходимо рассматривать их появление не как внезапный процесс, а как часть более широкого процесса трансформации, происходившего в позднеантичном мире, Д. Дзино посвящает третью главу монографии дославянским идентичностям Иллирика. Иссле-

дователь констатирует изменения в интерпретации иллирийцев, которые он называет «деконструкцией иллирийского метанарратива». В результате отказа от методологической модели, представлявшей собой комбинирование данных археологии, ономастики и античных текстов с целью создания непротиворечивого представления о «народе иллирийцев», пришло понимание того, что под именем иллирийцев, отражавшим римскую административную терминологию, скрывалась целая группа общностей со сложной многослойной идентификацией. Как оказалось, важную роль в процессе кристаллизации в регионе социально-политических структур, рассматривавшихся извне в качестве этнических образований, сыграли контакты со средиземноморским миром. Д. Дзино отмечает фактор средиземноморской глобализации и распространение в регионе латенских культурных матриц как решающие факторы в конструировании иллирийских идентичностей в доримский период истории рассматриваемого региона. С установлением в регионе римской власти в обиход входят идентичности, которые автор определяет как римские колониальные конструкты, так как они имели мало общего с самоидентификацией местных жителей в доримский период. Рассматривая происходившую в период римского господства трансформацию идентичности, Д. Дзино останавливается на концепте романизации, который, по его мнению, никоим образом не следует понимать как формирование единообразной римской культуры и идентичности:

Вместо прежних идентичностей доримского времени жители Иллирика сформировали разнообразные идентичности, которые существовали на экологической и региональной основе и были результатом взаимодействия их групповых и даже индивидуальных идентичностей в рамках базового каркаса провинциальной идентичности (Р. 60–61).

В связи с этим автор указывает на существенные различия в процессе становления римлянами между жителями приморских городов Далмации, муниципиев хинтерланда, сельской местности и, наконец, пограничной зоны с ее крепостями — форпостами «римскости». Трансформацию идентичностей в Иллирике в поздней античности Д. Дзино связывает с подъемом новых воинских элит, распространением христианства и усвоением местными жителями региональных идентичностей, сконструированных римлянами. Особое внимание уделяется автором идентичности *Illyriciani*, значимость которой возрастает именно в эпоху поздней античности, включая сюда и ранневизантийский период. Возрождение идеи «Romanitas» в правление Юстиниана рассматривается автором в качестве нового импульса к процессам идентификации в Иллирике. При этом автор полностью солидаризируется с Патриком Эмори, продемонстрировавшим в своем знаменитом исследовании политический (даже профессиональный) характер готской идентичности в период противостояния Византии и Остготского королевства с центром в Равенне. Д. Дзино подчеркивает это обстоятельство, намекая на возможность выбора идентификации жителями Иллирика в контексте оппозиции «римляне — готы».

3. Становясь «варварами»: население Далмации в «темные века»

В четвертой главе автор задается целью осветить политический фон для трансформации идентичностей в Иллирике в эпоху варварских вторжений от битвы при Адрианополе (378 г.) до ухода византийских войск с дунайского лимеса. По мнению исследователя, сделать это необходимо ввиду характерного для «славянского миграцио-

нистского метанарратива» представления о том, что славяне, пришедшие в Далмацию, прибыли в «пустой дом». В этой связи автор дает сбалансированный и хорошо выверенный в опоре на современную историографию очерк происходивших в Далмации социально-политических процессов, попутно делая ряд важных замечаний, касающихся интерпретации сведений письменных источников и материалов археологии. Особого внимания заслуживает трактовка австралийским исследователем появления в Далмации в период остготской власти первых некрополей с погребениями, расположенными рядами, что впоследствии станет важнейшей характеристикой некрополей так называемой «старохорватской материальной культуры». Замечая, что в исследовании погребальных комплексов остготского периода, таких как знаменитый некрополь в Гребле под Книном, внимание археологов концентрировалось на этнической принадлежности погребенных, Д. Дзино считает недооцененным тот факт, что именно в этот период определяющим признаком погребений становится присутствие в них предметов погребального инвентаря, которые могли служить важным гендерным или социальным показателем. Обращая внимание на то, что подобные перемены в погребальном обряде наблюдались и в других областях постримского Запада, Д. Дзино заключает:

Появление погребального инвентаря в постримских некрополях отражало социальные перемены; предметы погребального инвентаря использовались в этих захоронениях особым образом, чтобы представить новые пути конструирования социальной и гендерной идентичности покойного, а не пассивно отражали их этничность (Р. 83).

В соответствии с этим Д. Дзино предлагает рассматривать остготские некрополи как связующее звено между постримской Далмацией и старохорватскими некрополями VIII века: «Типы артефактов со временем изменились, но способ, которым погребальный инвентарь использовался для репрезентации гендера или социального статуса, остался неизменным» (Р. 83). Последовательно отвергая доминирующий «культурно-исторический подход» в интерпретации материальной культуры Иллирика VI–VIII вв., Д. Дзино дает комплексную характеристику важнейших изменений в образе жизни людей в Далмации, привлекая для сравнения материальную культуру Истрии и команскую культуру в Албании. Основными чертами, связующими все региональное многообразие материального отражения социальных процессов, исследователь называет упадок городской цивилизации, всеобщий переход к сельской жизни, уже в VI в. выразившийся в оставлении городов и сосредоточении жителей в районе небольших укреплений, и явственные перемены в характере погребальной обрядности. На этом фоне закономерно возникает вопрос: какая же роль в этом всеохватывающем процессе «варваризации» принадлежала самим «варварам», а именно — появившимся в VI в. на страницах письменных источников славянам? В заключительном разделе главы Д. Дзино специально останавливается на материале, традиционно рассматривавшемся как важное материальное свидетельство процесса славянской колонизации в хинтерланде Далмации. Как и следовало ожидать, последовательный отказ от культурно-исторического подхода, в сочетании с новейшей критикой концепта «славянской керамики» со стороны Ф. Курты, не позволил автору уверенно приписать славянам «славянские деревни» в Мушичах, Жабляке и Язбине. И хотя Д. Дзино с готовностью приписывает славянским и аварским рейдам пожары в христианских храмах хинтерланда, он же, ссылаясь на результаты раскопок, констатирует, что эти пожары не являлись повсеместными. Таким образом, под

пером Д. Дзино скудость свидетельств славянского присутствия в Далмации в VI–VII вв. становится слишком очевидной, чтобы продолжать не замечать ее, следуя в фарватере традиционных представлений о славянской миграции.

4. Становясь мигрантами: история «варваров» в средневековых нарративах

Если «варвары»-мигранты (славяне и хорваты) недостаточно проявляются в археологическом материале, то как тогда следует интерпретировать известия письменных источников об их миграциях в Далмацию? Ответ на этот вопрос Д. Дзино дает в пятой главе книги, специально посвященной анализу письменных источников о миграциях славян и хорватов. Рассматривая современные событиям источники, такие как письмо папы Григория I салонскому епископу Максиму, Д. Дзино подчеркивает, что речь в них идет об отдельных вторжениях варварских групп, которые не могут быть отождествлены с полномасштабной миграцией. Выходит, что о переселении славян как таковом нам сообщают только позднейшие источники, а именно трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», Хроника Фомы Сплитского и Летопись попа Дуклянина. Исследователь подробно останавливается на проблеме интерпретации этих средневековых памятников, последовательно используя характерные для постмодернистской историографии подходы к изучению средневековых нарративов. Выводы Д. Дзино относительно Летописи попа Дуклянина и Хроники Фомы Сплитского при этом не выглядят революционными: подобно многим современным исследователям, Д. Дзино призывает видеть в этих источниках отражение этнических стереотипов своего времени, имеющих мало общего с событиями раннего Средневековья.

Гораздо менее привычной является трактовка австралийским автором известий о переселении хорватов, содержащихся в трактате Константина Багрянородного. Нетрудно заметить, что в отношении данного источника в историографии присутствует некая двойственность: с одной стороны, было немало написано о присущей трактату тенденциозности, с другой стороны — именно на его известиях по-прежнему основывается вся картина переселения хорватов. О некотором замешательстве историков свидетельствует воспроизведение в ходе 150-летней дискуссии одних и тех же аргументов: в то время как скептики неустанно сетуют на идеологическую заданность произведения, апологеты ученого императора обычно указывают на предназначение трактата, полагая, что император едва ли стал бы дезинформировать собственного сына. Логика обеих позиций очевидна: но значит ли это, что историческая интерпретация всякий раз обречена идти по кругу? Сила методологических коррективов, вносимых Д. Дзино, состоит, как нам представляется, не столько в их принципиальной новизне, сколько в последовательности их применения, явно не хватавшей предшествующим исследователям. Призывая рассматривать блок глав трактата, посвященных южным славянам, как часть единого целого, а сам трактат — как связанное определенным замыслом авторское произведение, а не бессмысленную смесь разных источников, Д. Дзино концентрирует внимание на важнейших идеологических установках, лежащих в основе трактата. По мнению исследователя, именно эти идеологические установки обусловили не только демонстрацию того, что Иллирик является сферой

интересов Византии, но и само представление славян и хорватов, как пришедших издалека мигрантов. По словам Д. Дзино,

DAI рассказывает нам больше о самом Константине Багрянородном и его эпохе, нежели о VII в. Он не столько стремился к рациональному линейному описанию прошлого, сколько комбинировал свой труд из различных нарративов, которые вписывались в картину мира, которую он пытался представить. Необязательно исключая друг друга, они демонстрировали различные аспекты своего контекстуального существования (Р. 110).

Отнесение на счет идеологии самого концепта миграции — смелый шаг, значительно отличающий позицию Д. Дзино от современных авторов, даже тех, кто был бы готов согласиться с остальными утверждениями автора касательно конструирования прошлого в трактате. Но если логика созданного Константином сводного нарратива может быть объяснена с точки зрения идеологической программы, то каковы цели тех отдельных нарративов, которые были использованы императором в процессе его создания? Д. Дзино выделяет в тексте трактата три больших нарратива — о падении Салоны, о поселении хорватов и сербов по воле императора Ираклия и хорватскую этногенетическую традицию. Сюжет о падении Салоны, содержащийся в 29-й главе трактата, Д. Дзино приписывает локальной романской традиции, что кажется вполне убедительным предположением. Не вызывает принципиальных возражений и трактовка содержащихся в 31-й и 32-й главах известий о переселении сербов и хорватов как осуществленной самим императором реконструкции прошлого, вобравшей в себя элементы местных традиций. Наверное, можно согласиться и с интересной гипотезой автора, по которой похожий рассказ о падении Салоны, содержащийся в 30-й главе, является отражением нарратива, сложившегося уже в рамках Хорватского государства и объединившего традицию местных романцев с хорватским *origo gentis*. Что касается самой хорватской этногенетической традиции, то Д. Дзино справедливо рассматривает ее как «политически и идеологически мотивированный миф, который легитимировал существующую ситуацию и политическое доминирование группы в Далмации и Паннонии через общих предков: воображаемых братьев и сестер...» (Р. 114).

Хотя Д. Дзино счел достаточно убедительной нашу гипотезу, объясняющую характерную для хорватской этногенетической традиции оппозицию «хорваты – авары» тем, что некогда хорваты были элементом социально-политической структуры Аварского каганата, он, тем не менее, воздерживается от дальнейших поисков в рассказах о переселении хорватов пресловутого «исторического зерна», по-видимому, считая это безнадёжным делом. Впрочем, по некоторым, высказанным вскользь суждениям автора можно составить впечатление, что исследователь охотнее согласится с сугубо книжным происхождением ряда сюжетов, нежели будет готов искать в них элементы дружинного эпоса в духе «Венской школы». Подобная позиция не выглядит аргументированной, так как лежит вне выявления конкретных нарративных стратегий источника. Так, при всем уважении к осторожности автора в идее подозревать использование известий византийских источников о Кубрате и/или Кувере для конструирования хорватского *origo gentis* или в заявлении о том, что хорваты в Силезии и Карпатах, скорее всего, не имели ничего общего с хорватами в Далмации, нельзя не заметить крен в сторону гиперкритицизма. Такое же замечание можно высказать и в адрес убежденности автора в том, что образ императора Ираклия из 31-й главы является своего рода «культурным

героем», которому традиция приписала переселение и крещение хорватов и сербов⁹. Понятно, что фигура Ираклия смущает всех тех, кто подобно Д. Дзино считает сюжет о переселении и крещении идеологически обусловленным конструктом. Однако справедливость требует признать, что в рамках этой гипотезы все еще нет удовлетворительного объяснения, почему Константин Багрянородный приписал поселение и крещение хорватов именно Ираклию¹⁰, а не, скажем, Константину IV, что оставляет пространство для спекуляций на тему «Ираклий, авары и Кубрат/Кроват/Хроват»¹¹.

5. Становясь «своими»/«чужими»: идентичность и погребальный обряд

Решительный отказ от популярного подхода, использовавшего позднейшие письменные источники для реконструкции событий VII–VIII вв., неизбежно делают единственным источником информации о происходивших в Далмации процессах материалы археологии. В соответствии с этим шестая глава монографии Д. Дзино всецело посвящена анализу и интерпретации раннесредневековых хорватских некрополей, которые за почти полным отсутствием остатков поселений, являются важнейшими источниками наших знаний о социальных процессах, протекавших в Далмации в «темные века». Пожалуй, именно в этой главе наиболее ярко видно, к каким важным коррективам в нашем знании о прошлом может привести последовательность в применении избранной методологии. Так, в начале главы Д. Дзино констатирует:

Интерпретационная перспектива современных исследований ограничена тем, что материал из некрополей считается пассивно отражающим общество, вместо того чтобы рассматриваться как показатель процессов активного конструирования идентичности (Р. 122).

Таким образом, как замечает исследователь, исследование хорватских погребальных комплексов находится в противоречии с современными подходами в археологии, в рамках которых погребения и погребальные практики рассматриваются с антропологической перспективы как «арена активного соревнования для демонстрации и легитимации социальной мощи посредством погребального обряда» (Р. 122). Давая далее вдумчивый критический обзор памятников и их исследований, Д. Дзино специально останавливается на проблемах, связанных с датировкой раннесредневековых некрополей в Далмации. В частности, исследователь обращает внимание на шаткость оснований, на которых базируется традиционное представление о стадийности использования в Далмации обрядов кремации и ингумации, в рамках которого кремации приписывались славянам,

⁹ В данном случае Д. Дзино ссылается на Н. Будака, предположившего на основании известных венецианских хроник присутствие Ираклия в исторической традиции романских жителей прибрежных городов Адриатики (см.: *Budak N. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 75*). Однако сам Н. Будак в другой своей работе отнюдь не исключает того, что эта традиция была отражением реальной активности Ираклия в данном регионе (см.: *Budak N. Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb, 1994. S. 81*).

¹⁰ См. новейшую попытку объяснить появление Ираклия в трактате Константина Багрянородного: *Curtis F. Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs // Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches / Ed. by Ts. Stepanov and G. Kazakov. София, 2010. С. 132. (Mediaevalia Christiana. 3)*. — Как и следовало ожидать, аргументы исследователя, объясняющего появление Ираклия в трактате «Об управлении империей» тем, что в его правление имело место поражение авар под Константинополем, выглядят сугубо умозрительными.

¹¹ См. об этом: *Алимов Д. Е. Хорваты и горы: К вопросу о характере хорватской идентичности в Аварском каганате // SSBP. 2010. № 2 (8). С. 135–160.*

а ингумации связывались с воздействием на славян погребальных традиций автохтонного населения. Ссылаясь на исследование В. Сокола, недавно осуществившего ревизию традиционной датировки так называемого «языческого горизонта» хорватских некрополей¹², Д. Дзино указывает на хронологическое несоответствие между появлением славян и появлением погребений с кремацией и считает наиболее обоснованным тезис об одновременном использовании в Далмации обоих погребальных обрядов. Это приводит исследователя к важному выводу:

Параллельное существование ингумаций и кремаций в постримской Далмации показывает, что погребальные обычаи были активным выбором групп, а не пассивным отражением этничности (Р. 133).

Исследователь акцентирует внимание на сложности и гетерогенности погребений с кремацией, обнаруженных в Далмации. Ситуация, когда в одних случаях используются погребальные урны, а в других пепел помещается прямо в землю, наличие смешанных погребений (ингумация и кремация в одной могиле) — все это, по мнению австралийского исследователя, требует более тонкого объяснения, нежели простое отождествление погребального обряда с этничностью. Полностью отдавая себе отчет в трудности интерпретаций и не загромождая текст лишними гипотезами, исследователь лишь подчеркивает, что «меньшинство населения в постримской Далмации намеренно выбирало этот обряд погребения» (Р. 135), что, по его мнению, могло быть связано как со стремлением показать свой социальный статус, иммигрантское происхождение, принадлежность к определенному родственному коллективу, так и с другими причинами.

Неизменно рассматривая далматинские погребения в контексте изменений, происходивших в постримский период в Европе, Д. Дзино отказывается интерпретировать в качестве свидетельств славянской языческой практики и находки древесного угля и золы, обнаруженные в ряде хорватских погребений, произведенных по обряду ингумации, и трактуемые как следы ритуального возжигания огня над могилой. При этом автор ссылается на обнаружение захоронений с углем в англо-саксонской Британии и в Галлии эпохи Меровингов, где подобная практика была засвидетельствована в христианский период и никак не была связана с язычеством.

Переходя далее к рассмотрению погребений с использованием ингумации, Д. Дзино подвергает критике традиционную культурно-историческую интерпретацию, рассматривавшую присутствие в погребениях погребального инвентаря как признак языческого характера погребений, а его исчезновение к середине IX в. — как результат христианизации. Автору этих строк, уже обращавшему внимание на методологическую сомнительность приписывания ранних ингумаций язычникам¹³, отрадно констатировать, что исследование Д. Дзино предлагает иную, гораздо более логичную, интерпретацию, в полной мере учитывающую ситуацию в других регионах Европы. Как специально замечает исследователь, ссылаясь на новейшие исследования погребальных памятников державы Меровингов и англо-саксонских королевств, в которых показана роль предметов погребального инвентаря в демонстрации социальной, гендерной и общинной

¹² Sokol V. Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština od Jadrana do Save. Zagreb, 2006. S. 105–111.

¹³ Алимов Д. Е. «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 111.

идентичности, интерпретация в духе оппозиции «язычество – христианство» в этих случаях просто не работает:

Могилы с инвентарем не рассматривались современниками как антихристианские и в реальности в меровингской Галлии или раннесредневековой Англии не существовало никакого законодательства против снабжения захоронений инвентарем — у церкви не было интереса контролировать погребальный обряд до эпохи Каролингов! (Р. 142).

Отказываясь видеть в погребальном инвентаре показатель религиозной или этнической принадлежности, а также ссылаясь при этом на отсутствие ясных следов языческого культа, Д. Дзино задается вопросом о том, каким было христианство автохтонных жителей Далмации. Вывод, к которому приходит исследователь на основе рассмотрения доступных, довольно скудных свидетельств, лежит в рамках таких понятий как «народная религия» и «синкретизм»:

Автохтонное население постримской Далмации не стало «языческим»; произошло то, что они продолжали инкорпорировать христианство в свои народные верования, конструируя гетерогенную систему верований... Церковные структуры за пределами городов исчезли, когда Далмация прекратила быть элементом политико-идеологического и урбанистического каркаса Римской империи, так что здесь больше не было никакой религиозной организации, которая бы подкрепляла идеологический дискурс относительно «правильных» и «неправильных» верований (Р. 146).

Странно, однако, что Д. Дзино, который несколькими страницами ранее совершенно справедливо заявляет, что «раннесредневековое “язычество” в действительности было христианским книжным изображением аморфной народной культуры, которая не отрицала христианства, а инкорпорировала в него элементы местных и принесенных извне нехристианских традиций» (Р. 141), словно останавливается на полпути, объективистски интерпретируя местную религиозную ситуацию в рамках традиционной модели синкретизма. Казалось бы, постструктуралистская позиция, занятая исследователем, предполагает выдвижение на первый план конфессиональной идентичности, подвергая тем самым деконструкции сам концепт христианизации. В самом деле, представление о переходе из одной веры в другую, а в данном случае — о смене язычества христианством, отнюдь не всегда адекватно описывает религиозные процессы, так как конфессиональная идентичность могла быть не менее субъективно и ситуативно обусловленной, чем идентичность этническая¹⁴. В настоящее время популярный прежде подход, в рамках которого исследователи охотно следовали за средневековыми авторами, говоря о «грубом» христианстве варварских народов, или рассматривали представляющееся нам очевидным отклонение от нормы в качестве «пережитков язычества», все чаще подвергается критике, так как он не только неоправданно отодвигает на второй план конфессиональную идентичность, но и порой подразумевает сопоставление религиозной ситуации, сложившейся в изучаемом обществе, с такой нормой, которая для этого

¹⁴ Об актуальности данной проблемы для внутренних областей Далмации может свидетельствовать недавно вышедшая книга И. Мужича: *Mužić I. Vjera Crkve bosanske: Krstjani i pogani u srednjovjekovnoj Bosni*. Split, 2008. — В данной работе проблема происхождения «Боснийской церкви» рассматривается в контексте христианизации Боснии. Автор приходит к выводу, согласно которому в Боснии до начала деятельности в крае миссий доминиканцев и францисканцев преобладало некрещеное население. Исследование И. Мужича ярко высвечивает важную методологическую проблему: объективистская оппозиция «христианство – язычество» с трудом применима к некрещеным жителям хинтерланда, конфессиональная самоидентификация которых не всегда известна и которые в зависимости от контекста могли восприниматься извне как христиане, еретики или язычники.

общества могла являться совершенно нерелевантной¹⁵. О том, насколько опасным является господство объективистских критериев при характеристике религиозной ситуации, ярким образом свидетельствует непрерывающаяся полемика о характере восприятия варварами христианского учения, ведь для разговора о языческом религиозном сознании и его взаимодействии с христианским учением необходимо выяснить, что именно в данном сознании является специфически языческим, а ответ на этот вопрос далеко не очевиден¹⁶.

В продолжении главы, посвященной далматинским некрополям, Д. Дзино останавливается на археологических признаках выделения элит, заметных начиная с конца VIII столетия. Речь идет, главным образом, о многочисленных предметах воинского снаряжения и вооружения франкского происхождения, уже неоднократно становившихся объектом пристального внимания хорватских археологов и неизменно игравших важную роль в историографических построениях относительно обстоятельств возникновения хорватской политики с центром в районе Книна. Констатируя, что аналогичные перемены в материальной культуре были характерны и для других областей на окраинах Аварского каганата, и справедливо трактуя их как показатель возросшей конкуренции и выдвигания новых элит, Д. Дзино обращает внимание на то, что распространению предметов франкского вооружения предшествовало распространение в среднедунайских областях в 750–780-е гг. характерных элементов позднеаварских поясных гарнитур. В связи с этим Д. Дзино не склонен датировать начало аналогичного процесса в Далмации периодом около 800 г., напрямую связывая его с франкским политическим проникновением, как это делают многие хорватские исследователи, а предпочитает более раннюю датировку начала социальных перемен — около 775 года.

Пытаясь осмыслить в заключительной части главы перемены в погребальном обряде с точки зрения социальной эволюции, Д. Дзино несколько неожиданно прибегает к термину «бигмен». Именно бигмены как лица, чей статус был связан с контролем над богатством, были, по мнению исследователя, ведущей социальной силой в Далмации до появления около 775 г. военных лидеров, возглавивших формирующиеся вождества. Хотя в данном месте Д. Дзино не уточняет, кого он имеет в виду под бигменами — потомков бывших римских граждан (местных) или славян (пришлых), из дальнейшего повествования становится ясным, что он готов допустить эволюцию в возглавляемые бигменами единицы даже контингентов византийских солдат с семьями, еще в VII–VIII вв. контролировавших, по предположению Н. Якшича, тяготевший к Задару регион Равни Котари. Думается, что столь смелое соотнесение социального института,

¹⁵ На это обстоятельство справедливо обращал внимание А. Я. Гуревич: «Было бы, однако, ошибкой принимать все такого рода отклонения от истинной веры только за пережитки язычества. “Язычество”, с которым церкви приходилось иметь дело не только в тот период, но, собственно, на протяжении всего средневековья, отнюдь не было лишено почвы и продолжало жить вовсе не в силу одной инерции. Это была могучая сила, но правильно ли называть ее язычеством?» (*Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства // Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. М.; СПб., 1999. С. 292*). См. также применительно к исламу: *Аба/“С. Н., Бобровников В. О. Соблазны культа святых (вместо предисловия) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 5–9*.

¹⁶ В этом плане интересна позиция М. Г. Горбуновой, по словам которой на Руси «архаичные мислеформы, существовавшие открыто в эпоху язычества, после утраты сознательной веры в славянских богов продолжали существовать в народном сознании в виде архетипов коллективного бессознательного» (*Горбунова М. Г. Диалектика язычества и православия в структуре русского менталитета: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001. С. 22 (Цит. по: Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие: Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб., 2008. С. 39)*). Но можно ли определять данные архетипы как языческие?

концептуализированного в свое время М. Салинзом на материале Меланезии, с порядками в постримской Далмации слишком отрывает социальные формы от ментальной сферы и идеологии, предполагая по сути уподобление «примитивного» общества изначально более сложному социуму, находящемуся в процессе социально-политической деградации.

6. Становясь славянами: культурный габитус и «колониальная» этнография

Рассмотрение социальных перемен, происходивших в Далмации в «темные века», Д. Дзино продолжает в седьмой главе, на сей раз концентрируя внимание на возникновении самих новых идентичностей — славян и далматинских романцев. Д. Дзино анализирует социально-политическую ситуацию в городах Далмации, в частности — проблему присутствия здесь Византии. Приходя к выводу о крайне незначительном влиянии Византии в прибрежных городах, Д. Дзино значительно корректирует традиционный взгляд, противопоставлявший побережье варварскому хинтерланду. Происходившая здесь трансформация, по мнению исследователя, не отличалась от других частей постримского мира, характеризуясь прежде всего оставлением городской жизни, в то время как истории о захвате городов варварами (аварами и славянами) следует рассматривать исключительно как конструкты, при помощи которых местное население объясняло свое прошлое. При этом Д. Дзино склонен поддержать как вышеупомянутую гипотезу Н. Якшича, согласно которому в «темные века» византийские солдаты еще контролировали Равни Котари, так и предположение А. Милошевича, допускающего контроль романцев над Синьским полем.

Акцентируя — вполне в конструктивистском духе — внимание на том, что в случае с романской идентичностью речь шла не о продолжении прежней «римскости», а о возникновении новой идентичности, обусловленном социально-политическим контекстом эпохи, Д. Дзино справедливо подмечает, что идеологически новая идентичность черпала вдохновение от воображаемой связи с римлянами. В чем же тогда заключалась идеологическая привлекательность славянской идентичности, покорившей жителей хинтерланда Далмации приблизительно тогда же, когда прибрежные жители отстаивали свою мнимую «римскость»? На этот ключевой вопрос Д. Дзино попытался ответить во второй части главы, последовательно рассматривая языковые, религиозные, социально-политические и культурные аспекты процесса, который автор именует «становлением славянами». Рассматривая славянизацию языкового пространства Далмации, автор сразу же отказывается считать ее последствием крупной миграции, ссылаясь при этом не только на рассмотренные выше данные археологии, но и на известное наблюдение Г. Ланта о том, что крупномасштабная миграция неминуемо привела бы к диалектному многообразию, которое отсутствует в реконструируемом специалистами древнем славянском языке. Следовательно, настаивает австралийский исследователь, необходимо искать другие объяснения языковой славянизации, не связанные с миграционизмом. Д. Дзино останавливается на двух моделях, одна из которых связывает распространение языка с его элитным статусом, а другая — с его использованием в качестве *lingua franca*. Замечая, что в Далмации вплоть до последней четверти VIII в. не наблюдается следов элитных идентичностей, Д. Дзино склоняется в пользу второй модели, тем самым при-

меня в отношении Далмации и Западных Балкан получившую обоснование в трудах Г. Ланта, О. Прицака и Ф. Курты теорию, согласной которой славянский язык использовался в качестве *lingua franca* в Аварском каганате и на пространстве, находившемся под его влиянием¹⁷. Ссылаясь на положение в постримской Галлии, где латынь вскоре после середины VII в. выходит из употребления в качестве разговорного языка, Д. Дзино замечает, что практически то же самое должно было произойти и во внутренних областях Далмации, где, ввиду отсутствия наследственной элиты и нормально функционирующей церковной организации, не существовало условий для поддержания латинского языка в качестве разговорного. Таким образом, была подготовлена почва для вовлечения этого пространства в культурное поле Аварского каганата, сопряженное с использованием славянского языка в качестве разговорного койне.

Несколько страниц посвящает Д. Дзино проблеме славянской языческой религии в Далмации и ее отражению в топонимике. Отмечая, что само представление о единой славянской языческой религии и мифологии — это в значительной степени ученый конструкт, созданный на основе разрозненных материалов из разных регионов, а также значительно более поздних этнографических материалов, исследователь с большим скепсисом относится к попыткам интерпретации топонимов в контексте реконструируемого славянского язычества. Не отрицая того, что отдельные топонимы могут быть связаны с культом Перуна и иных божеств, исследователь указывает на отсутствие оснований говорить об организованных культах, указывая на существование принесенных мигрантами верований вне контекста, в котором они первоначально были сформированы, что побуждает рассматривать их «не как выражение унифицированного славянского мифологическо-религиозного комплекса, но скорее как свидетельство аккультурации и формирования уникальной духовной жизни, существовавшей в постримской Далмации до прихода каролингских миссионеров» (Р. 168).

Важную роль в предлагаемом Д. Дзино объяснении процесса становления славянами играет понятие «аварского культурного континуума». Исследователь прибегает к этому понятию для объяснения сразу нескольких ключевых процессов, разворачивавшихся в Далмации, и в конечном счете создавших почву для распространения славянской идентичности. Полагая, что аварский континуум не только обеспечил условия для языковой славянизации жителей Далмации, но и способствовал распространению в Далмации характерного для Дунайского бассейна культурного габитуса, Д. Дзино ссылается на недавно осуществленную в работах В. Сокола и Ф. Курты ревизию датировки так называемой славянской керамики в некрополях Далмации. Отсутствие керамики пражского типа, традиционно связываемой с ранними славянами, вкупе с присутствием форм, характерных для эпохи Второго Аварского каганата, служит серьезным основанием для вывода: то, что ранее именовалось славянизацией, а на деле являлось результатом вовлечения Далмации в аварское культурное пространство с характерным для него габитусом, произошло не ранее VIII столетия.

Еще один процесс, связываемый Д. Дзино с аварским влиянием, — политическая организация пространства, заложившая основы для кристаллизации местных политических структур. При этом ключевой институт, преобразовавший социально-политический

¹⁷ См. подробно с предшествующей историографией: *Curta F. The Slavic lingua franca (linguistic notes of an archeologist turned historian) // East Central Europe. 2004. Vol. 31. P. 125–148.*

ландшафт Далмации, Д. Дзино усматривает в институте жупании, совмещавшей в себе новый уровень политической интеграции с использованием античной административно-территориальной и церковной структуры:

...мы можем сказать, что институт жупании в Далмации демонстрировал постепенный процесс аккультурации между существующей постримской инфраструктурой и новыми политическими отношениями, которые были созданы влияниями из аварского культурно-политического континуума в Паннонии. Они также показывали перемену властных структур, которые перешли от далматинских бигменов второй половины VII – первой половины VIII вв., к более централизованной власти в региональных вождествах и возникновению наследственной знати во второй половине VIII в. (Р. 171)

Идея рассматривать жупании в качестве первичного уровня социально-политической интеграции в раннесредневековой Далмации, разумеется, не нова и, как нам уже приходилось отмечать, не может быть надежно обоснована на имеющемся материале источников¹⁸. Важнее другое — относя ко второй половине VIII в. смену власти бигменов властью вождей, Д. Дзино в несколько ином терминологическом антураже воспроизводит старую теорию о произошедшем на рубеже VIII–IX вв. социальном перевороте, сменившем сегментированное общество более централизованной властью. Между тем, единственным аргументом в пользу такого видения является отсутствие признаков социальной стратификации, которые бы указывали на появление элит. Хочется задаться вопросом: на какой именно территории должны были быть зафиксированы эти признаки? Если принять во внимание, что первоначальный центр хорватской политики, скорее всего, находился в районе Книна, то как минимум заслуживает внимания обнаружение в Плискове в Бискупии у Книна набора из 24-х бронзовых матриц для изготовления кованых украшений для одежды и конского убора¹⁹, стилистически близких аналогичным предметам из всаднических погребений центральной части Аварского каганата (Фёнлак, Кунсентмартон и др.), датированных первой половиной VII века²⁰.

В заключительной части главы Д. Дзино дает нам свое оригинальное объяснение того, каким образом происходило превращение в славян населения Далмации. Ключевую роль в этом процессе исследователь отводит утрате автохтонным населением культурного и идеологического дискурса, который бы утверждал его связь с прошлым. Преобладая численно над пришельцами, автохтоны, однако, не обладали идеологическим дискурсом, способным противостоять смене идентификации, в то время как социально-политическая деградация привела к длительному господству родственных коллективов как основных единиц социальной организации. Аккультурация местного и пришлого населения способствовала выработке нового культурного габитуса, признаваемого извне за славянский. Все это вкупе с постепенным распространением общего языка после включения региона в зону аварского континуума и создало условия для

¹⁸ Алимов Д. Е. Полития Борны: *Gentes и Herrschaft* в Далмации в первой четверти IX века // SSBP. 2011. № 1 (9). С. 124–126.

¹⁹ См.: *Korošec J. Ostava brončanih matrica za otiskivanje u Biskupiji kod Knina* // SHP. Ser. III. Split, 1958. Sv. 6. S. 29–42.

²⁰ См.: *Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviji s posebnim osvrtom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog Avarskoga kaganata* // OA. 1958. Br. 3. S. 27–28, 30.

процесса «становления славянами», который по своей сущности значительно отличался от традиционных представлений о славянизации:

...этот процесс становления «славянами» трудно рассматривать как ассимиляционный и односторонний, скорее он был видом культурной мимикрии, гибридности в духе Бхабхи... Процесс аккультурации достиг апогея в специфическом понятии «славяне», появившемся в восприятии имеющихся раннесредневековых источников, но в действительности скрывавшем под собой потомков дославянского населения, которые в разных формах реструктурировали свои идентичности... (Р. 174).

7. Становясь хорватами: туземцы Далмации и каролингский «империализм»

Трудно отказать в остроумии автору, назвавшему последнюю, восьмую, главу своей книги, посвященную анализу процесса «становления хорватами», «Девятый век: *Chroati ex Machina*». Внезапность появления в письменных источниках свидетельств существования хорватской идентичности уже давно ставила в тупик исследователей, побуждая искать тому самые разные объяснения. Как же данный вопрос решает Д. Дзино? Исследователь начинает с разбора популярного в современной хорватской историографии тезиса, объясняющего внезапное появление хорватов в Далмации их приходом сюда в период войн Карла Великого с аварами. Суммируя уже высказывавшиеся ранее аргументы против данного тезиса, Д. Дзино обращает внимание на глубокую укорененность данной интерпретации в культурно-историческом подходе, позволявшем, например, связывать распространение каролингской воинской экипировки с миграцией новой группы. Однако, не только подобные соображения мешают автору признать вероятность прихода хорватов в Далмацию в качестве союзников Карла Великого: Д. Дзино пытается обосновать тезис, согласно которому в первой четверти IX в. главными союзниками франков и лидерами каролингской Далмации были не хорваты, а их западные соседи — гудусканы, впервые упомянутые под 818 г. как подданные дукса Борны. Знаменательно, что будучи знакомым с работами, в которых Борна рассматривается как хорватский правитель, автор, очевидно, не будучи убежденным аргументацией сторонников данной точки зрения, рассматривает Борну в качестве вождя гудусканов, никак не связанного с хорватской политией, кристаллизовавшейся, по его мнению, в треугольнике «Книн — Нин — Скрадин». Смену правящих элит, когда гудусканы, по мнению исследователя, уступили место хорватам, Д. Дзино вслед за Л. Маргетичем связывает с болгарским вторжением 827 г. и реорганизацией управления на юго-восточной границе империи Каролингов, выразившейся в упразднении в 828 г. Фриульской марки²¹. Считая излишним повторять здесь все аргументы в пользу хорватского (книнского) истока власти дукса Борны, высказывавшиеся ранее в историографии, отметим одну-единственную деталь: считая Борну гудусканским правителем, Д. Дзино никак не комментирует конфликт между ним и гудусканами, особо отмеченный франкским анналистом при описании войны Борны с нижнепаннонским дуксом Людевитом²².

²¹ Ср., например: *Margetić L.* 1) Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // HZ. 1988. God. XLI (1). S. 231–232; 2) Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. Neven Budak. Zagreb, 1995. S. 144–147; 3) O Borni, vojvodi Gačana // Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospičko-Senjske biskupije: Zbornik biskupa Mile Bogovića / Ur. F. E. Hoško. Rijeka, 2004. S. 87–101.

²² Как справедливо заметил М. Анчич, в свете данного конфликта затруднительно считать Борну вождем гудусканов (*Ančić M.* Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. stoljeća // Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru. Zadar, 1998. Sv. 40. S. 37).

Дав свою интерпретацию политического развития в хинтерланде Далмации в IX в., суть которой сводится к замене гудусканов хорватами в качестве ведущей силы, Д. Дзино подробно останавливается на разборе свидетельств о существовавших в эту эпоху в Далмации групповых идентичностях. Подход Д. Дзино к корпусу соответствующих свидетельств источников сильно отличается от предшествующих попыток осмысления материала методологической выдержанностью, не позволяющей автору некритично рассматривать данные внешних по отношению к Далмации источников в качестве свидетельств самоидентификации местных элит или обычного населения. Такой осторожный подход выводит автора на ряд любопытных наблюдений, позволяя, например, поразмыслить над отсутствием в донаторских надписях, делавшихся от имени светской знати, указаний на славянскую идентичность. В том, что представители знати либо просто ограничивались указанием имени и титула, либо приводили хорватскую идентичность, исследователь готов видеть свидетельство того, что славянская идентичность не была изначально свойственна группе, называвшей себя хорватами. Более того, исследователь не видит оснований и для того, чтобы считать, что славянами называло себя простое население, подвластное хорватским правителям, полагая, что в этот ранний период термин «славяне» все еще представлял собой «колониальную псевдоэтническую перцепцию» внешних наблюдателей, а не самоназвание.

Немало места уделяет Д. Дзино и проблеме так называемого «крещения хорватов». Как и следовало ожидать, исследователь отказывается принимать в качестве отражения реальности сюжеты о крещении хорватов, содержащиеся в средневековых нарративах, в чем сходится с тенденцией, обозначившейся в ряде новейших публикаций²³, а материалы археологии, на которые обычно ссылаются сторонники христианизации хорватов в IX в., интерпретирует иначе, в контексте изменений, происходивших в постримской Европе. Так, ссылаясь на происходившие во Франкском государстве в поздний меровингский период перемены в погребальном обряде, когда происходило исчезновение погребального инвентаря из могил, исследователь указывает на происходившее в это время укрепление позиций наследственной знати, более не требовавшее репрезентации элитного статуса через предметы погребального инвентаря. Понятно, что происходивший в эту эпоху процесс смещения акцента с материальных символов на богослужебную практику не может быть интерпретирован как обращение язычников в христианство, а требует более нюансированного объяснения, связанного с изменениями в социальной и духовной жизни элиты эпохи Меровингов. Как убедительно показывает Д. Дзино, то, что наблюдалось в Хорватии, было дальнейшим распространением практики, уже укоренившейся к тому времени на франкских территориях, а сама каролингская «христианизация» Европы должна пониматься как «двусторонний процесс аккультурации, который имел все характеристики глобального процесса, такого как так называемая “романизация” времен античности...» (Р. 205).

Процесс христианизации был не единственным, где решающее значение имели каролингские культурные паттерны. Как показывает Д. Дзино в заключительной части главы, именно столкновение каролингского «империализма» с местными элитами Далмации

²³ См.: Алимов Д. Е. «Переселение» и «крещение»... С. 110–113; *Curta F. Emperor Heraclius...* С. 121–138.

создало в конечном счете то, что можно было бы назвать хорватской этнополитической общностью:

Римская практика, которая была воспринята меровингской и каролингской интеллектуальной элитами, заключалась в том, чтобы обычно признавать эти менее сложные политические образования на своих границах посредством этнонимов, как *ethnos* или *gens*. Поэтому в действительности мы не знаем, существовали ли эти политические общности до вхождения в зону каролингского «империализма» или каролингский «империализм» стал причиной их формирования... (Р. 205).

Свидетельства существования в середине – второй половине IX в. таких понятий, как «*dux Chroatorum*» и «*regnum Chroatorum*», традиционно рассматривались в историографии как показатель того, что к середине IX в. в Далмации уже сложилась хорватская этнополитическая общность. Между тем, по мнению Д. Дзино, титул дукса хорватов, использовавшийся Бранимиром и его предшественниками,

... вполне мог являться следствием политической софистики в Далмации, процесса политогенеза и интеграции далматинских элит в каролингские политические структуры, а не отражением уже существовавшей к IX в. «хорватскости» (Р. 209).

С этим замечанием трудно не согласиться, если понимать его в том смысле, что само представление о хорватах как об общности, возглавляемой собственным правителем (*dux Chroatorum*), то есть как об этнополитической общности *par excellence*, могло сложиться только в период вхождения книнской политики в сферу империи Каролингов, когда свойственный христианской письменной культуре этнический дискурс мог быть усвоен местной элитой. Понятно, что групповая идентичность, возникающая вследствие социально-политической интеракции элит и укрепляющаяся и распространяющаяся по мере становления и утверждения политической организации, может быть осмыслена и репрезентирована как этническая лишь при наличии в социуме соответствующего дискурса. Ясно и то, что в хорватском случае должен был протекать процесс адаптации хорватской групповой идентичности (Д. Дзино считает ее идентичностью новой наследственной элиты, происходившей из области, ограниченной треугольником «Нин — Книн — Скрадин») к тем представлениям о «народах», которые существовали к тому времени в пост-античной христианской Европе.

Закljučая обзор монографии Д. Дзино, логично вернуться к вопросу, вынесенному нами в его заглавие. Мы должны быть благодарны австралийскому исследователю за осуществленное им радикальное смещение акцентов и возможность посмотреть на этносоциальные процессы под другим углом зрения, отказавшись при этом от использования ряда устаревших моделей. Нет сомнений и в том, что книга Д. Дзино подводит своего рода черту под историографическими трендами, господствовавшими в изучении этногенеза хорватов со времен Франьо Рачкогo. Более того, замечательная по свежести мысли и методологической выдержанности книга австралийского исследователя имеет все шансы стать основополагающей когнитивной матрицей для дальнейших исследований раннесредневековых обществ на западе Балкан. И все же было бы наивно ожидать, что отказ от антагонистичных концепций миграции и автохтонизма в пользу «политкорректной» модели «трансформации» вконец успокоит больной нерв хорватской историографии, мучающий научное сообщество уже более полутора веков. Правда, под влиянием дискурса, принесенного постмодерном, мы вполне можем счесть неважными или немодными (что в данном случае почти одно и то же) вопросы о численном соотно-

шении в Далмации пришлого и автохтонного населения, о далеких евразийских истоках хорватской групповой идентичности или о том, когда именно крестились хорватские вожди. Значимость этих вопросов для проблематики этногенеза даже в сугубо эволюционистском его понимании довольно сомнительна, что вряд ли совсем не осознавалось поколениями занимавшихся ими исследователей. Кажется, что здесь было достаточно места и для интеллектуальной игры, и для простого любопытства. А это значит, что поиски в любом случае будут продолжаться.

Данные о статье

Работа выполнена при поддержке ACLS (the American Council of Learned Societies), краткосрочный грант 2010 г.

Автор: Денис Евгеньевич Алимов, кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, aljimov@mail.ru

Заголовок: Миграция или трансформация? Происхождение хорватов в дискурсе постмодерна
Резюме: Рецензия на книгу австралийского исследователя Дэниела Дзино «Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia» (Leiden; Boston: Brill, 2010). В книге на методологической платформе постмодернизма и конструктивистского подхода к этничности рассматриваются этносоциальные процессы, протекавшие на территории Далмации (Хорватия) в период поздней античности и раннего Средневековья.

Ключевые слова: Дзино, раннесредневековая Далмация, славяне, хорваты, групповая идентичность, постмодернизм, конструктивизм

Литература, использованная в статье

Абашин, Сергей Николаевич; Бобровников, Владимир Олегович. Соблазны культа святых (вместо предисловия) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. и отв. ред. Абашин, Сергей Николаевич; Бобровников, Владимир Олегович. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 3–17.

Алимов, Денис Евгеньевич. «Переселение» и «крещение»: К проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2 (4). С. 94–116.

Алимов, Денис Евгеньевич. Хорваты и горы: К вопросу о характере хорватской идентичности в Аварском каганате // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2010. № 2 (8). С. 135–160.

Алимов, Денис Евгеньевич. Политика Борны: *Gentes* и *Herrschaft* в Далмации в первой четверти IX века // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2011. № 1 (9). С. 101–142.

Гуревич, Арон Яковлевич. Средневековый мир: Культура безмолствующего большинства // Гуревич, Арон Яковлевич. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999. С. 263–547.

Дзино, Дэниел. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 2 (4). С. 37–58.

Ančić, Mladen. Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. stoljeća // *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru.* Zadar, 1998. Sv. 40. S. 27–41.

Brown, Melissa J. Ethnic classification and culture: The case of the Tujia in Hubei, China // *Asian ethnicity.* 2001. Vol. 2. No. 1. P. 55–72.

Brown, Melissa J. Is Taiwan Chinese? The impact of culture, power, and migration on changing identities. Berkeley, 2004.

Brown, Melissa J. Changing authentic identities: Evidence from Taiwan and China // *Journal of the Royal anthropological institute.* 2010. Vol. 16. No. 3. P. 459–479.

Budak, Neven. Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 1994. 248 s.

Budak, Neven. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // *Etnogeneza Hrvata / Ur. Neven Budak.* Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 73–78.

Budak, Neven. Identities in early medieval Dalmatia (seventh–eleventh century) // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 223–241.

Curta, Florin. The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series). Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p.

Curta, Florin. The Slavic *lingua franca* (linguistic notes of an archeologist turned historian) // East Central Europe. 2004. Vol. 31. P. 125–148.

Curta, Florin. Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs // Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches / Ed. Stepanov, Tsvetelin; Kazakov, Georgi (Mediaevalia Christiana, 3). София, 2010. С. 121–138.

Dzino, Danijel. Delmati, vino i formiranje etničkog identiteta u predrimskom Iliriku // Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku. 2006. Sv. 99. S. 71–80.

Dzino, Danijel. «Biti», «Činiti» i «Znati»: Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku (Predgovor uz knjigu «Hrvatska povijest devetoga stoljeća» Ivana Mužića) // Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. Split: Naklada Bošković, 2006. S. 9–19.

Dzino, Danijel. The Celts in Illyricum — whoever they may be: The hybridization and construction of identities in Southeastern Europe in the fourth and third centuries BC // Opuscula Archaeologica. 2007. Vol. 31. S. 49–68.

Dzino, Danijel. «Becoming Slav», «becoming Croat»: New approaches in research of identities in post-Roman Illyricum // Hortus atrium medievalium. 2008. Vol. 14. P. 195–206.

Dzino, Danijel. Deconstructing «Illyrians»: Zetgeist, changing perceptions and the identity of peoples from ancient Illyricum // Croatian studies review. 2008. Vol. 5. P. 43–55.

Dzino, Danijel. «The people who are Illyrians and Celts»: Strabo and the identities of the «barbarians» from Illyricum // Arheološki vestnik. 2008. Zv. 59. S. 371–380.

Dzino, Danijel. Bindus Neptunus: Hybridity, acculturation and the display of power in the hinterland of Roman Dalmatia // Histria Antiqua. 2009. Vol. 18/1. S. 355–362.

Dzino, Danijel. «Dezidijati»: Identitetski konstrukt između antičkih i suvremenih percepcija // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja. Sarajevo, 2009. Knj. XXXVIII. S. 75–96.

Dzino, Danijel. Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb, 2009. Knj. 41. S. 33–54.

Dzino, Danijel. Becoming Slav, becoming Croat: Identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. Leiden; Boston: Brill, 2010. 271 p.

Garipzanov, Ildar H.; Geary, Patrick J.; Urbańczyk, Przemysław. Introduction: Gentes, gentile identity, and state formation in early medieval Europe // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 1–14.

Katičić, Radoslav. O podrijetlu Hrvata // Hrvatska i Europa: Kultura, znanost i umjetnost. Sv. I: Srednji vijek — rano doba hrvatske kulture / Ur. Ivan Supićić, Josip Bratulić. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti: AGM d. d., 1997. S. 149–167.

Korošec, Josip. Ostava brončanih matrica za otiskivanje u Biskupiji kod Knina // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 1958. Sv. 6. S. 29–42.

Margetić, Lujo. Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // Historijski zbornik. 1988. God. XLI (1). S. 217–235.

Margetić, Lujo. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. Neven Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 144–147.

Margetić, Lujo. O Borni, vojvodi Gačana // Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospićko-Senjske biskupije: Zbornik biskupa Mile Bogovića / Urednik: Franjo Emanuel Hoško. Rijeka: Katolički bogoslovni fakultet Sveučilišta u Zagrebu — Teologija u Rijeci, 2004. S. 87–101.

Mužić, Ivan. Vjera Crkve bosanske: Krstjani i pagani u srednjovjekovnoj Bosni. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2008. 183 s.

Sokol, Vladimir. Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština od Jadrana do Save. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga, 2006. 335 s.

Vinski, Zdenko. O nalazima 6. i 7. stoljeća u Jugoslaviji s posebnim osvrtom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog Avarskog kaganata // Opuscula archaeologica. Zagreb, 1958. Br. 3. S. 13–67.

Information about the article

The paper was written by the support of the American Council of Learned Societies, a short-term grant of 2010.

Author: Alimov, Denis Eugenievich, Ph. D. in History, St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia, aljimov@mail.ru

Title: Migration or transformation? The origins of the Croats in the discourse of postmodernism

Summary: The review of the book of the Australian historian Danijel Dzino «Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia» (Leiden; Boston: Brill, 2010). The book examines ethnic and social processes of post-Roman and early medieval Dalmatia (Croatia) within the methodological framework of postmodernism and instrumentalist approach to ethnicity.

Keywords: Dzino, early medieval Dalmatia, Slavs, Croats, group identity, postmodernism, instrumentalism

References

Abashin, Sergei Nikolaevich; Bobrovnikov, Vladimir Olegovich. Soblazny kul'ta svyatyh (vmesto predisloviya) [Temptations of the cult of saints (instead of the preface)], in Abashin, Sergei Nikolaevich; Bobrovnikov, Vladimir Olegovich (ed.) *Podvizhniki islama: Kul't svyatyh i sufizm v Srednei Azii i na Kavkaze*. Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2003. S. 3–17.

Alimov, Denis Evgen'evich. «Pereselenie» i «kreshenie»: K probleme formirovaniya horvatskoj etnichnosti v Dalmacii [«Migration» and «baptism»: to the problem of formation of Croatian ethnicity in Dalmatia], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. Nr. 2 (4). S. 94–116.

Alimov, Denis Evgen'evich. Horvati i gory: K voprosu o haraktere horvatskoj identichnosti v Avarskom kaganate [The Croats and mountains: on the character of the Croat identity within the Avar qaganate], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. Nr. 2 (8). S. 135–160.

Alimov, Denis Evgen'evich. Politiya Borny: Gentes i Herrschaft v Dalmacii v pervoi chetverti IX veka [Borna's polity: Gentes and Herrschaft in Dalmatia in the first quarter of the IX century], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. Nr. 1 (9). S. 101–142.

Gurevich, Aron Yakovlevich. Srednevekovi mir: Kul'tura bezmolstvuyushogo bol'shinstva [The Medieval World: The culture of the silent most people], in Gurevich, Aron Yakovlevich. *Izbrannye trudy. V02. Srednevekovi mir*. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga, 1999. S. 263–547.

Dzino, Danijel. «Stanovit'sya slavyaninom», «stanovit'sya horvatom»: Novye napravleniya v issledovanii identichnosti pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo Illirika [«To become a Slav», «to become a Croat»: New directions in the research of late antique and early medieval identities of Illyricum], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. Nr 2 (4). S. 37–58.

Ančić, Mladen. Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvjoj polovici IX. Stoljeća, in *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru*. Zadar, 1998. Sv. 40. S. 27–41.

Brown, Melissa. Ethnic classification and culture: The case of the Tujia in Hubei, China, in *Asian ethnicity*. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 55–72.

Brown, Melissa. *Is Taiwan Chinese? The impact of culture, power, and migration on changing identities*. Berkeley, 2004.

Brown, Melissa. Changing authentic identities: Evidence from Taiwan and China, in *Journal of the Royal anthropological institute*. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 459–479.

Budak, Neven. *Prva stoljeća Hrvatske*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 1994. 248 s.

Budak, Neven. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca, in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 73–78.

Budak, Neven. Identities in early medieval Dalmatia (seventh–eleventh century), in Garipzanov, Ildar; Geary, Patrick; Urbańczyk, Przemysław (ed.) *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 223–241.

Curta, Florin. *The making of the Slavs: History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 463 p. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series).

Curta, Florin. The Slavic *lingua franca* (linguistic notes of an archeologist turned historian), in *East Central Europe*. 2004. Vol. 31. P. 125–148.

Curta, Florin. Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs, in Stepanov, Tsvetelin; Kazakov, Georgi (ed.). *Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches*. Sofia, 2010. S. 121–138. (Mediaevalia Christiana. Vol. 3).

Dzino, Danijel. Delmati, vino i formiranje etničkog identiteta u predrimskom Iliriku, in *Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku*. 2006. Sv. 99. S. 71–80.

Dzino, Danijel. «Biti», «Činiti» i «Znati»: Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku (Predgovor uz knjigu «Hrvatska povijest devetoga stoljeća» Ivana Mužića), in Mužić, Ivan. *Hrvatska povijest devetoga stoljeća*. Split: Naklada Bošković, 2006. S. 9–19.

Dzino, Danijel. The Celts in Illyricum — whoever they may be: The hybridization and construction of identities in Southeastern Europe in the fourth and third centuries BC, in *Opuscula Archaeologica*. 2007. Vol. 31. S. 49–68.

Dzino, Danijel. «Becoming Slav», «becoming Croat»: New approaches in research of identities in post-Roman Illyricum, in *Hortus atrium medievalium*. 2008. Vol. 14. P. 195–206.

Dzino, Danijel. Deconstructing «Illyrians»: Zetgeist, changing perceptions and the identity of peoples from ancient Illyricum, in *Croatian studies review*. 2008. Vol. 5. P. 43–55.

Dzino, Danijel. «The people who are Illyrians and Celts»: Strabo and the identities of the «barbarians» from Illyricum, in *Arheološki vestnik*. 2008. Zv. 59. S. 371–380.

Dzino, Danijel. Bindus Neptunus: Hybridity, acculturation and the display of power in the hinterland of Roman Dalmatia, in *Histria Antiqua*. 2009. Vol. 18/1. S. 355–362.

Dzino, Danijel. «Dezidijati»: Identitetski konstrukt između antičkih i suvremenih percepcija, in *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja*. Sarajevo, 2009. Knj. XXXVIII. S. 75–96.

Dzino, Danijel. Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. Zagreb, 2009. Knj. 41. S. 33–54.

Dzino, Danijel. *Becoming Slav, becoming Croat: Identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia*. Leiden; Boston: Brill, 2010. 271 p.

Garipzanov, Ildar; Geary, Patrick; Urbańczyk, Przemysław. Introduction: Gentes, gentile identity, and state formation in early medieval Europe, in Garipzanov, Ildar; Geary, Patrick; Urbańczyk, Przemysław (ed.). *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 1–14.

Katičić, Radoslav. O podrijetlu Hrvata, in Supićić, Ivan; Bratulić Josip (ed.). *Hrvatska i Europa: Kultura, znanost i umjetnost. Sv. I: Srednji vijek — rano doba hrvatske kulture*. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti: AGM d. d., 1997. S. 149–167.

Korošec, Josip. Ostava brončanah matrica za otiskivanje u Biskupiji kod Knina, in *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 1958. Sv. 6. S. 29–42.

Margetić, Lujo. Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.), in *Historijski zbornik*. 1988. God. XLI (1). S. 217–235.

Margetić, Lujo. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću, in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata*. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 144–147.

Margetić, Lujo. O Borni, vojvodi Gačana, in Hoško, Franjo Emanuel (ed.). *Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospičko-Senjske biskupije: Zbornik biskupa Mile Bogovića*. Rijeka: Katolički bogoslovni fakultet Sveučilišta u Zagrebu — Teologija u Rijeci, 2004. S. 87–101.

Mužić, Ivan. *Vjera Crkve bosanske: Krstjani i pogani u srednjovjekovnoj Bosni*. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2008. 183 s.

Sokol, Vladimir. *Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština od Jadrana do Save*. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga, 2006. 335 s.

Vinski, Zdenko. O nalazima 6. i 7. stoljeća u Jugoslaviji s posebnim osvrtom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog Avarskoga kaganata, in *Opuscula archaeologica*. Zagreb, 1958. Br. 3. S. 13–67.